

С.В. ВЕДЖВУД

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

ВЕЛИЧАЙШИЕ БИТВЫ ЗА ГОСПОДСТВО
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

1618—1648

ПРОКЛАДЫВАЯ ПУТЬ СКВОЗЬ ОДНУ ИЗ САМЫХ
ЗАПУТАННЫХ И НАПРЯЖЕННЫХ ЭПОХ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ, ВЕДЖВУД
ДЕМОНСТРИРУЕТ ОБРАЗЕЦ ТАКОЙ ЯСНОСТИ И
ЛЕГКОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ, КОТОРОГО ЕЩЕ НИКОМУ
НЕ УДАЛОСЬ ПРЕВЗОЙТИ.

Теодор К. Рэбб, Принстонский Университет

Сесили Веджвуд

**Тридцатилетняя война.
Величайшие битвы за господство в
средневековой Европе. 1618—1648**

«Центрполиграф»

1938

УДК 94(430).041
ББК 63.3(4)

Веджвуд С. В.

Тридцатилетняя война. Величайшие битвы за господство
в средневековой Европе. 1618—1648 / С. В. Веджвуд —
«Центрполиграф», 1938

ISBN 978-5-9524-5402-6

С.В. Веджвуд – автор целого ряда трудов о Европе XVII в. и один из самых известных и популярных историков Великобритании, представляет исчерпывающую хронику Тридцатилетней войны с ее основными битвами и главными участниками. Живыми и яркими красками она изображает Европу 1618 г., раздираемую противоречиями между католиками и протестантами; Бурбонами и Габсбургами; между империями, королевствами и бесчисленными мелкими государствами. После того как разгневанные протестанты выбросили трех представителей Священной Римской империи из окон королевского замка в Праге, – вспыхнуло восстание, и война начала неумолимо расползаться из Богемии по всей Европе, вовлекая страны от Испании до Швеции в кошмарную карусель голода, эпидемий и бесконечного хаоса. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(430).041
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-9524-5402-6

© Веджвуд С. В., 1938
© Центрполиграф, 1938

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	10
3	13
4	17
5	22
6	28
7	30
8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сесили Веджвуд
Тридцатилетняя война.
Величайшие битвы за господство в
средневековой Европе. 1618—1648

C.V. WEDGWOOD
THE THIRTY YEARS
WAR

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Германия и Европа. 1618

Сколько их стоит вокруг тебя, надеясь поделить твои одежды?¹ Не обещаны ли они многим, кои ждут только часа твоей гибели? Долго ли еще ты надеешься прожить в благоденствии? Воистину, столько лишь, сколько пожелает Спинола.
Памфлет, 1620

1

1618 год был похож на многие другие годы в те беспокойные десятилетия вооруженного нейтралитета, которые порой случаются в истории Европы. Атмосфера, насыщенная предчувствием борьбы, периодически разражалась грозами политических смут. Дипломаты сомневались, взвешивая серьезность каждого нового кризиса, политики обдумывали последствия, коммерсанты жаловались на неустойчивость рынка и колебания курсов, а 40 миллионов крестьян, на которых покоилось громоздкое здание цивилизации, возделывали свои поля, вязали свои снопы и не интересовались делами далеких властителей.

В Лондоне испанский посол требовал казни Уолтера Роли (Рэли), а вокруг дворца собралась толпа, осыпавшая проклятиями короля, слишком слабого, чтобы его спасти. В Гааге соперничество двух религиозных группировок вновь и вновь перерастало в открытый бунт, а вдову Вильгельма Оранского Молчаливого (1533–1584, убит по заказу испанского короля Филиппа II наемным убийцей) освистывали на улицах. Между Францией и Испанией сложились крайне напряженные отношения, поскольку обе державы претендовали на контроль над долиной Вальтеллиной (ныне в Италии, провинция Сондрио в Альпах) – важнейшей дорогой из Италии в Австрию. В Париже боялись скорого разрыва и европейской войны; в Мадриде гадали, удержится ли под таким давлением недавно заключенный брак инфанты Анны с юным королем Франции. Семнадцатилетний Людовик XIII относился к авансам супруги с ледяным равнодушием, и расторжение неосуществленного брака могло в любой момент разрушить последнюю гарантию дружбы между правящими династиями Франции и Испании. Напрасно австрийские кузены испанского короля посредничали из Вены и ненавязчиво предлагали устроить помолвку молодого эрцгерцога и французской принцессы: регентское правительство в Париже, проигнорировав их, вступило в переговоры о ее браке со старшим сыном герцога Савойского – заклятого врага и австрийских, и испанских властей.

Разоблачение испанского заговора, имевшего целью свергнуть республиканское правительство в Венеции, и восстание протестантов в Вальтеллине угрожали погрузить Италию в войну. В Северной Европе честолюбивый король Швеции Густав II Адольф вырвал Эстляндию и Ливонию из рук русского царя² и строил планы на прочный союз с голландцами, который в случае успеха позволил бы им сообща господствовать в северных морях Европы. В Праге протестанты, восстав в подходящий момент, свергли непопулярное католическое правительство.

Политический мир находился в таком нервном напряжении, что любой из этих инцидентов мог быть воспринят чересчур обостренно. Осведомленные люди не сомневались, что война

---

¹ Речь о Германии. (Примеч. авт.)

² Ливонию и Эстляндию русские войска оставили в результате неблагоприятного для Русского государства исхода Ливонской войны 1558–1583 гг. Ак 1618 г. Швеция отторгла от России (по Столбовскому миру 1617 г.) земли у Балтийского моря с городами Корела, Иван-город, Ям, Копорье, Орешек. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иного.)

рано или поздно случится, и сомневались только в непосредственных причинах и масштабах конфликта; материальные и моральные противоречия, раздиравшие политическую жизнь, были совершенно ясны.

23 мая 1618 года в Праге произошло восстание; этот день традиционно считается началом Тридцатилетней войны. Но лишь через семнадцать месяцев даже государственным мужам тех стран, которые больше всего затронула война, стало ясно, что она разгорелась именно из-за этого, а не иного события, случившегося в те беспокойные времена. За эти месяцы дела в Чехии (Богемии) постепенно стали отождествляться с политической обстановкой в Европе. Сама эта обстановка и дала толчок к войне.

2

Устранение некоторых физических препятствий и недостатков в области административного управления за последние сто лет настолько изменило условия жизни, что нам нелегко разобраться в политике XVII века, не понимая ее механизма. Работа правительства была организована из рук вон плохо; политикам не на кого было опереться; честность, расторопность и благонадежность встречались нечасто, и типичные государственные мужи в своих действиях, по-видимому, исходили из неизбежности постоянной утечки денег и информации.

Скорость дипломатической коммуникации в Европе ограничивалась скоростью гужевого транспорта, на котором основывалось всякое сообщение, а в политические расчеты вмешивались неразумные силы природы: противный ветер и сильный снегопад порой могли затормозить или ускорить международный кризис. Важнейшие решения приходилось задерживать, а в каких-то совсем уж отчаянных случаях перекладывать на подчиненных, не имея времени посоветоваться с вышестоящей инстанцией.

Несовершенный порядок распространения новостей не позволял общественному мнению играть сколько-нибудь доминирующую роль в политике. Основная часть крестьян пребывала в полном неведении о происходящих вокруг событиях, безмолвно терпела их последствия и восставала, только если условия жизни становились совершенно невыносимыми. Горожане благодаря более эффективной передаче знаний имели возможность хотя бы в зачаточном виде выражать общественное мнение, но лишь относительно богатые и образованные люди могли постоянно усваивать и пользоваться политической информацией. Подавляющее большинство народа оставалось бессильным, невежественным и безразличным. В силу этого публичные действия и личные качества отдельных государственных деятелей приобретали несоразмерную важность, и дипломатическими отношениями в Европе управляли династические амбиции.

Неуверенность в будущем и тяготы жизни поощряли в правителях безответственность. Войны не приводили к немедленным бунтам, потому что в основном их вели профессиональные армии, а гражданское население — за исключением районов боевых действий — оставалось незатронутым, по крайней мере до тех пор, пока его не начинали обдирать как липку поборами и налогами, потому что у воюющих кончились деньги. И даже там, где шли сражения, бремя войны поначалу казалось не таким тяжким, как в наш уравновешенный цивилизованный век. Кровопролитие, изнасилования, грабежи, пытки и голод не так ужасали людей, которые сталкивались с ними в повседневной жизни, хотя и в более мягких формах. Разбойные нападения не были редкостью и в мирное время, пытки применялись в большинстве уголовных процессов, страшные и растянутые во времени казни совершались на глазах у толпы зрителей; землю то и дело опустошали чума и голод.

Даже образованные люди придерживались грубых взглядов на жизнь. Под маской вежливости скрывались примитивные нравы; пьянство и жестокость были обычным явлением во всех классах, судьи чаще проявляли суровость, чем справедливость, гражданские власти чаще действовали скорее круто, нежели эффективно, а благотворительность не могла ответить на все нужды людей. Лишения были слишком естественным делом, чтобы о них говорить; и зимняя стужа, и летний зной внезапной напастью обрушивались на неготового европейца: в их домах было слишком сыро и холодно для первой и слишком душно для второго. И правители, и нищие одинаково привыкли к вони от гниющих отбросов на улицах, грязным канavam между домами, к виду падальщиков, которые слетались на горы мусора и клевали разлагавшиеся трупы висельников. По дороге из Дрездена в Прагу один путешественник насчитал «больше ста сорока виселиц и колес с трупами грабителей, и еще свежими, и полуразложившимися, и останками убийц, которым на колесах одну за другой переломали конечности».

Война должна была лежать особо тяжким и долгим бременем на плечах этих людей, чтобы заставить их громко возмутиться, но к тому времени уже никто ничего не мог поделать.

Франция, Англия, Испания, Германия – уже в XVII веке историк встречается эти абстрактные конгломераты разнородных элементов. Самосознающая себя нация существовала, даже если связь этой нации с составляющими ее людьми с трудом поддавалась определению; у всех народов были свои проблемы на границах, свои меньшинства, свои разногласия. Некоторым профессиям была свойственна поразительная для современного ума текучесть: никто не считал странным, если французский полководец вел армию на французов, и преданность делу, вере, даже господину обычно ценилась выше, чем верность стране. Несмотря на это, национальная принадлежность уже начинала приобретать новый политический смысл. «Никто не может не любить своей страны, – писал Бен Джонсон, – тот, кто утверждает обратное, может восторгаться своими словами, но сердцем он там».

Но главным образом национальными чувствами мог воспользоваться государь, с правлением которого они были связаны, и, за редким исключением, династия в европейской дипломатии считалась важнее нации. Международную политику скрепляли королевские браки, а ее движущей силой была личная воля государя и интересы его семейства. С практической точки зрения неверно приравнивать династии Бурбонов и Габсбургов к Франции и Испании.

Между тем основы общества менялись так, что перед правителем вставал новый ряд проблем. В большинстве стран Западной Европы у власти стояла аристократия, сформированная в таком обществе, где землевладение и власть были неразрывно связаны друг с другом. Эта форма правления сохранилась и после того, как деньги сменили землю в качестве действующей силы, и политическая власть оставалась в руках тех, кто не имел богатства для осуществления своей воли, а торговые классы, имевшие средства, но не власть, часто находились к ней в оппозиции.

Возвышение класса, не зависящего от земли, уравнивалось соответствующим упадком крестьянства. В феодальной системе, основанной на взаимных обязательствах между сеньором и держателем земли, серв (крепостной) занимал признанное, хотя и низкое положение. Открытое недовольство крестьян начинается со времен краха феодализма, когда землевладельческие и правящие классы начали обращать труд своих крепостных в деньги и использовать условия землепользования для извлечения прибыли.

Феодальная система предопределила такой мир, в котором все были связаны с землей и ответственность за физическое благополучие человека ложилась на землевладельца. По мере того как эта структура все больше отдалялась от реального положения дел, на церковь и государство легли новые обязанности. Медленный транспорт, плохое сообщение и нехватка денег не позволяли центральному правительству создать необходимый механизм для того, чтобы нести это растущее бремя, и государство раз за разом передавало свои полномочия уже существующим институтам – мировым судьям в Англии, приходским священникам и местным землевладельцам в Швеции, деревенским старостам и городским бургомистрам во Франции, знати в Польше, Дании и Германии. Таким образом, без содействия этих незаменимых помощников ни одно правительство не могло рассчитывать на то, что его распоряжения будут выполнены. Именно это дало польским, немецким и датским дворянам и английским джентри власть над центральным правительством, несоразмерную их фактическим богатствам, и восстановило баланс между землевладельческим и купеческим классами.

Однако не было ни адекватной связи между законодательной и исполнительной властью, ни четкого понимания того, как использовать государственные деньги. Поскольку налогообложение складывалось в основном как замена прежней воинской повинности, взыскание денег в сознании людей неразрывно переплеталось с военными лишениями. Идея взимания налогов на общественные службы еще не родилась. Парламенты, штаты, сеймы и кортесы – все эти

частично представительные органы, возникшие за предыдущие века, полагали, что требовать денег можно только в кризисной ситуации, и упорно отказывались помогать правительству исполнять его повседневные обязанности. Это заблуждение породило немало зол. Монархи предавались легкомысленному расточительству в ожидании будущих доходов, распродавали земли короны, отдавали в заклад свои королевские привилегии и таким образом последовательно ослабляли центральное правительство.

Этим непониманием объясняются обиды и подозрительность по отношению к властям, характерные для средних классов в начале XVII века, – обиды, которые проявлялись в постоянном неподчинении и эпизодических мятежах. Переходные периоды всегда отличаются плохим управлением; таким образом, главной потребностью времени была эффективность власти. Остро чувствуя общую незащищенность, эта малая часть населения, обладавшая влиянием, была готова принять любое правительство, лишь бы оно гарантировало мир и порядок.

Итак, стремление иметь голос в политических решениях главным образом объяснялось не столько принципом свободы, сколько желанием иметь эффективное правительство. Теории о добре и зле, о божественном предопределении или естественном равенстве людей превращались в объединяющие лозунги, символы, за которые люди с чистым сердцем отдавали жизнь – и король Англии под топором палача, и австрийский крестьянин на колесе. Но успех или неудача в конечном итоге зависели от эффективности административного аппарата. Лишь немногие люди настолько бесстрастны, что предпочли бы жить в лишениях при правительстве, которое считают правильным, чем в довольстве при том, которое им кажется неправильным. Представительное правительство в Богемии (Чехии) потерпело крах потому, что работало значительно хуже, нежели деспотизм, который оно сменило, и Стюарты пали не потому, что идея божественного происхождения королевской власти оказалась несостоятельной, а по причине некомпетентности их правительства.

3

Возможно, поколение, жившее перед Тридцатилетней войной, не было добродетельнее предыдущего, но оно уж точно отличалось большей набожностью. Реакция против материализма эпохи Возрождения, начавшаяся в середине предыдущего века, достигла своего апогея; духовное возрождение пронизало все общество до самых корней, и религия стала реальностью тех, для кого политика оставалась бессмысленной, а общественные события – неизвестными.

Богословская полемика стала обычным чтением для всех слоев общества, проповеди руководили политическим курсом, а досуг скрашивали трактаты о морали. У католиков культ святых достиг неслыханного за много веков размаха и занял господствующее место в жизни как образованных классов, так и народных масс; чудеса помогали озарить мрак окружающего мира светом надежды. Перемены в материальных условиях, крушение старых традиций и несоответствие отмирающих порядков новому веку подталкивали мужчин и женщин к духовному и необъяснимому. Те, кто не попал в широкие объятия церквей, нашли прибежище в оккультизме: из Германии во Францию проникло розенкрейцерство, в Испании набирали силы иллюминаты. В образованных слоях общества росли страхи перед колдовством, а в народных массах распространилось поклонение дьяволу. Черная магия распространилась от северных пустошей Шотландии до средиземноморских островов, держа в мстительном ужасе и свирепых кельтов (в Шотландии, Уэльсе и Ирландии), и угнетенных крестьян в России, Польше и Богемии (Чехии), и рассудительных немецких купцов, и невозмутимых йоменов в Кенте в Англии.

Суеверия расплодились благодаря многочисленным брошюрам и листкам, которые сразу же фиксировали и преувеличивали всякое непонятное событие. Страхи перед потусторонним не отпускали даже образованного человека. Один известный ученый из Вюртемберга приписывал смерть брата «грабителям или привидениям». Князь Ангальтский (Анхальтский), умный и рассудительный юноша, без малейшего удивления и сомнения записал у себя в дневнике, что видел призрака. В семействе курфюрста Бранденбургского свято верили в Белую даму, которая якобы предупреждает о приближении смерти, а как-то раз дала такую оплеуху назойливому пажу, который ей надоедал, что тот вскоре отдал богу душу. Герцог Баварский считал, что на его жену наложили проклятие бесплодия, и велел изгонять из нее бесов.

В моду вошло псевдонаучное увлечение астрологией. Сам Кеплер, полушутя, полунегодуя, говорил, что астроном может прокормить себя, только исполняя капризы «глупенькой дочери» астрономии, то есть астрологии. Сам он принадлежал к тому узкому кругу проницательных мыслителей, которых те тревожные времена побуждали исследовать не вершины веры, а устройство и возможности материального мира. Во второй половине XVI века в Падуе, Базеле, Монпелье и Вюрцбурге открылись школы анатомии. В Риме в 1603 году и в Росток в 1619-м были предприняты попытки создать общества по изучению естественной истории. В Копенгагене и во всех датских школах молодой и просвещенный король поощрял преподавание физики, математики и естественных наук. Открытие Уильямом Гарвеем кровообращения за несколько лет радикально перевернуло медицину – ровно в то время, когда утверждение Галилея о том, что Земля вращается вокруг Солнца, произвело революцию в изучении материального мира.

Противоположность веры и науки отчасти была признана еще до открытия Галилея. Лютер неистово обрушивался на разум, называя его «блудницей». Считалось, что философия, наука и процессы рационального мышления безопасны только в том случае, если ими руководила богодухновенная религия. Источник истины – прямое божественное откровение, а научные факты, подтвержденные лишь свидетельством умственных и физических способностей человека, могли оказаться всего лишь расчетливым дьявольским обманом. Естественный консерватизм человеческого разума помогал церкви противостоять новому мировоззрению. Люди

искали уверенности, а не новых причин для сомнений, и, поскольку научные открытия озадачивали их странными теориями о земле, по которой они ходят, и о телах, в которых обитают, люди со все большим рвением обращались к религии с ее надежными гарантиями.

Никогда еще церкви не казались такими сильными, как в первые десятилетия XVII века. И все-таки хватило одного поколения, чтобы они лишились политического господства. Крах уходит корнями в ситуацию 1618 года. Главная борьба шла между откровением и рационалистическими взглядами, но церкви не сумели распознать опасность и объединиться. Мелочная борьба между католиками и протестантами затмила собой более важную проблему, и таким образом церкви собственными руками вырыли себе могилу.

На первый взгляд, в Европе существовало две ветви христианства: католическая и протестантская³, но на самом деле вторая была так явно разделена внутри себя, что по сути сложились три враждующие партии. Реформацию возглавляли два выдающихся вождя – Лютер и Кальвин, и их учения, а вернее, политические следствия их учений разделили ее на два лагеря, возникших один за другим и конкурирующих друг с другом. Как человек эмоциональный, а не рациональный, Лютер легко пал жертвой амбиций правящих классов: светские власти приветствовали его учение, ибо оно освобождало их от вмешательства папы-иностранца, и молодое движение, еще слишком слабое, чтобы крепко стоять на собственных ногах, стало прислужником государства. Оно не утратило своей духовной силы, но ее, по крайней мере отчасти, подавила сила материальная, и новая церковь процветала в богатстве и респектабельности своих прихожан и росла, потому что ее защищали короли и одобряли торговцы. Это говорится не в осуждение лютеранству, ведь человек преследует собственные интересы и в высоком, и в низком, и ни князья, ни народы не принимали лютеранство исходя из какого-то неприкрытого цинизма, как это видится позже при анализе их мотивов. Конечно, они верили, потому что хотели верить, но главным для них была вера, а не желание. И некоторые из них умерли за свою веру.

Кроме того, не утратил своей важности и первоначальный порыв против папства, поскольку его тут же присвоили светские власти и поставили на службу в своей извечной борьбе против властей духовных. Если реформированная церковь, обосновавшись за спиной государства, уже не особо поощряла мятежников, то по крайней мере она разрушила единство католического христианского мира и открыла дорогу для большей свободы мысли.

Тем не менее благонамеренное вмешательство Лютера в духовные вопросы решило проблему религии только для части общества; народные волнения не утихли, а лишь усилились с появлением новой веры, которая в силу того, что ею тотчас же воспользовались правящие силы, не показала никакого духовного превосходства над католической церковью. Возрождение католической и протестантской Европы произошло благодаря не Лютеру, а двум другим личностям, которые действовали одновременно с двух противоположных сторон. В 1536 году Кальвин опубликовал свой трактат *Christianae Religionis Institutio* – «Наставление в христианской вере»; а за два года до того, в 1537 году, Игнатий Лойола основал Общество Иисуса (орден иезуитов).

Лютер, добросердечный немец, видел в религии опору и утешение человечества, сострадал своему ближнему и заговорил, потому что больше уже не мог молчать. Кальвин видел в религии откровение божественного разума, совокупность непреложных выводов из боговдохновенных писаний, благо само по себе, независимо от материальных потребностей человеческого рода. Основополагающие доктрины кальвинизма – это учения о благодати и предопределении; окончательная участь любой души, будь то в раю или в аду, предустановлена всеведущим Богом, и человек рождается либо с благодатью, либо без нее.

³ Имеется в виду Западная Европа; в Восточной и Южной Европе доминировало православие.

Это суровое учение, никого не стремящееся утешать, отличалось одним качеством, которое возвышало его над учением Лютера. Оно составляло не просто новую теологию, а и новую политическую теорию. Учредив институт старейшин (пресвитеров), Кальвин вверил мирянам заботу о нравственном состоянии общества и руководство над духовенством. Эта новая теократия, которая ставила Бога превыше всего, а общину – выше священника, объединила авторитарный и представительный принципы с теорией ответственности индивида перед общиной. По мере распространения кальвинистской организации и доктрины монархические правительства Европы по очереди сталкивались с тем вызовом, который бросала им религия, так как она сама по себе являлась конкурирующим политическим образованием.

Католическая церковь эпохи Возрождения достигла такой высоты культуры и цивилизации, на которой грубая этика ее основателей стала совершенно неуместной, и римское духовенство забывало о том, что варвары из-за Альп требовали от папы одновременно и больше, и меньше того, чтобы он все так же играл роль главного покровителя искусств среди европейских государей. На усилившиеся нападки извне церковь могла ответить только внутренней реформой, и ею церковь доказала свою неисчерпаемую жизнеспособность.

Первый шаг к внутренней реформе был сделан в Риме, когда в 1524 году появился орден театинцев. Этот новаторский орден не был монашеским, хотя его члены давали тройной обет целомудрия, бедности и послушания; его членами были мирские священники, которые предавались не только интеллектуальным занятиям, но и проповедовали и трудились среди народа. В орден принимали только отпрысков благородных семейств, и его основатели намеревались сделать его местом обучения для служителей церкви с обновленными духовными силами. Их врата были слишком узки, и семинария превратилась не в школу пастырей, а в оранжерею для будущих руководителей церкви; отсюда Контрреформация брала не приходских священников, а епископов, кардиналов и пап.

По-настоящему Контрреформация началась только после основания в 1534 году Общества Иисуса (ордена иезуитов). В каком-то смысле это был последний и величайший из воинствующих орденов; в своем наивысшем развитии – иерархия прекрасно подготовленных людей, связанных клятвой беспрекословного подчинения своим начальникам и управляемых генералом, так что по сути ее организация напоминала армейскую. Когда католическая церковь вышла из Тридентского собора вооруженной для борьбы, в лице иезуитов она получила боевой отряд, готовый нести веру в любую точку земного шара любыми средствами и любой ценой. Под влиянием иезуитов инквизиция, зародившаяся в Испании, была вновь учреждена в Риме в качестве эффективного инструмента для обнаружения и искоренения ереси.

Кальвинизм прижился в Германии, Польше, Богемии (Чехии), Австрии, Венгрии, Франции, однако не обладал необходимой силой для того, чтобы сохранить завоеванное. Будучи новой религией, он не мог подрубить глубокие корни традиции, как это удавалось учению иезуитов. Более того, иезуиты являли собой отборное войско, избранное для своего призвания. Кальвинисты же по мере распространения их религии превратились в неоднородную массу разрозненных общин без центрального управления. К тому же, хотя это была самая активная и деятельная среди новых ересей, они не могли взять на себя роль защитников и проповедников протестантской веры, как это сделали иезуиты для римской церкви. Они образовали воинствующее левое крыло протестантизма, как иезуиты образовали воинствующее правое крыло католичества, но с той лишь разницей, что иезуиты отстаивали более-менее общее дело, а кальвинисты ненавидели собратьев-протестантов, особенно лютеран, едва ли не больше, чем самих папистов.

Единственной серьезной оппозицией, с которой столкнулись иезуиты в своей собственной церкви, было сопротивление капуцинов, но и оно имело форму соперничества, а не открытой вражды. Орден капуцинов – реформированная ветвь францисканцев – был основан за несколько лет до Общества Иисуса, но не сумел оставить такого же четкого следа в истории

Контрреформации. Однако в первые годы XVII века они не сильно отставали от иезуитов в своем миссионерском пыле и намного опережали их в понимании политических интриг. Они специализировались на дипломатии и представляли собой неофициальных посредников между ведущими католическими монархиями, и в этой роли иезуиты, которые с самого начала больше занимались распространением веры и образованием молодежи, не пытались их заменить. Если бы два ордена действовали сообща, они обладали бы всеми необходимыми ресурсами для объединения католического христианского мира против еретиков. Однако с годами их соперничество переросло во вражду и лишь усилило, а не устранило отчужденность между католическими правительствами Европы. Примечательно, что иезуиты пользовались наибольшим влиянием в Испании и Австрии, а капуцины – во Франции.

Таким образом, в католической церкви возник разлом, не столь очевидный, но фактически столь же серьезный, как и между двумя главными протестантскими церквями. Если бы дело дошло до конфликта между Римом и еретиками, с обеих сторон неизбежно возникли бы разнонаправленные интересы, которые в существенной степени изменили бы равновесие сил.

Между тем ненависть между противостоящими конфессиями становилась все озлобленнее. Те, кто имел сомнительную привилегию исповедовать не ту религию, которой придерживались в стране их проживания, подвергались постоянной опасности. В некоторых частях Польши протестантские пасторы рисковали самой своей жизнью; в Чехии, Австрии, Баварии католические священники взяли в руки оружие. Путешественникам всегда угрожала опасность; в кантоне Люцерн и в Шварцвальде схватили и сожгли купцов-протестантов.

В первые годы Реформации слабость католических правителей вынудила многих из них пойти на уступки своим протестантским подданным, так что, во всяком случае официально, в католических странах было больше протестантских конгрегаций, чем католических – в протестантских. За исключением Италии и Испании почти все католические государства были вынуждены терпеть у себя ту или иную протестантскую общину. Этот факт, безусловно, усиливал ощущение несправедливости и опасности у католиков, а при малейшем нарушении протестантских привилегий официально протестантские правительства вскипали от негодования.

Постоянно сохранялась возможность столкновения. На первый взгляд, католицизм как старшая и более сплоченная вера должен был победить в этом конфликте. Едва минуло сто лет после Реформации, и католическая церковь еще лелеяла отнюдь не иллюзорную надежду на воссоединение христианского мира. Попытка не удалась. Невозможно объяснить эту неудачу какой-то единственной причиной, но все же одна из них выделяется меж всеми остальными. Судьба церкви роковым образом переплелась с судьбой австрийской династии, и территориальная зависть, которую вызывала эта династия, отразилась на католической церкви, посеяв раздор среди тех, кто должен был ее защищать.

4

В 1618 году дом Габсбургов владел величайшей державой в Европе. Их гордый девиз гласил: «*Austriae est imperatura orbi universo*»⁴, и это хвастливое заявление не было беспочвенным в тех узких пределах мира, в каких его понимал средний европеец. Габсбургам принадлежали Австрия и Тироль, Штирия, Каринтия, Крайна, часть Венгрии, которая не находилась под властью турок, Силезия, Моравия, Лаузиц (Лужицы) и Богемия (Чехия); дальше на запад – Бургундия, Нидерланды и часть Эльзаса; в Италии – герцогство Миланское, владения Финале и Пьомбино, королевство Неаполь, которое занимало всю южную половину полуострова, а также Сицилия и Сардиния. Габсбурги были королями в Испании и Португалии и правили в Новом Свете – в Чили, Перу, Бразилии и Мексике. Они похвалялись, что великими их сделала политика браков, а не завоеваний, но, когда им не удавалось найти подходящей наследницы, они укрепляли прочность династии, заключая браки между собой; случалось так, что один правитель приходился другому одновременно зятем, шурином и кузеном, трижды связанным с ним узами любви и долга⁵.

Один вид того, что такое могущество сосредоточено в одних руках, мог вызвать зависть у соседних государей, но за полвека до 1618 года династия дала своим соперникам настоящий повод для вражды, отождествив свою политику с двумя идеями. Ее правители бескомпромиссно выступали за абсолютизм и католическую церковь и так неумолимо проводили эти убеждения в жизнь, что внешний мир уже не видел различий между разными Габсбургами и их действиями.

Главой династии был король Испании, представитель старшей линии; поэтому политика Габсбургов отождествлялась с воинствующим правым крылом католицизма – крылом святого Игнатия и иезуитов. Кроме того, подчинение частных интересов интересам испанского короля ярко высветило одну из древнейших распрей Европы. Соперничество между правителями Франции и Испании продолжалось уже три века; теперь же, когда испанский король встал во главе династии, владевшей большей частью Италии, Верхним Рейном и Нидерландами, все сухопутные границы Франции оказались под угрозой. Всю последнюю четверть XVI века испанский король подливал масла в огонь, постоянно вмешиваясь во внутреннюю политику своих соседей, чтобы заполучить в свои руки и саму их корону. Он потерпел неудачу, и победителем из конфликта вышел основатель новой французской династии Бурбонов Генрих Наваррский, ставший французским королем Генрихом IV. Его убийство в 1610 году, в то время, когда он был готов продолжить соперничество, оставило его страну в руках регента, слишком слабого, чтобы воплотить его планы. С Испанией был заключен мир, и мальчик-король Людовик XIII женился на испанской принцессе. Временная и обманчивая дружба замаскировала, но не изменила подспудную вражду Бурбонов и Габсбургов. Она оставалась важнейшим фактором влияния на политическую ситуацию в Европе.

Самой же острой проблемой было восстание голландцев. Так называемая Республика Соединенных провинций – протестантские Северные Нидерланды – успешно взбунтовалась против испанского короля Филиппа II; после сорока лет борьбы, в 1609 году, они подписали перемирие с его преемником Филиппом III, по которому получили независимость и неприкосновенность на двенадцать лет. Однако Соединенные провинции представляли слишком большую ценность, чтобы от них можно было так легко отказаться, и испанское правительство согласилось на долгое перемирие не ради заключения мира, а чтобы подготовиться к

⁴ Австрии суждено править миром (*лат.*).

⁵ Как, например, король Испании Филипп IV по отношению к императору Фердинанду III и курфюрст Баварии Максимилиан по отношению к императору Фердинанду II. (*Примеч. авт.*)

окончательному усмирению повстанцев. Прекращение перемирия в 1621 году создавало прямую угрозу общеевропейского кризиса – давая протестантским правителям повод выступить в защиту свободной республики от уничтожения, а династии Габсбургов и католической церкви – шанс для триумфального наступления.

Скрытая вражда Бурбонов и Габсбургов и неминуемое нападение испанского короля на голландцев – вот что руководило действиями европейских политиков в 1618 году.

Испания была головоломкой для политиков, которые непрерывно рассуждали о ее слабости, но принимали все возможные предосторожности против ее мощи. «Каждодневно слабость правительства... становится мне все очевиднее. Мудрейшие и разумнейшие испанцы довольствуются лишь тем, что признают ее и скорбят о ней... Такова их крайняя праздность и невнимание к самым важным делам... которая не могла не раскрыть перед всем миром наготу и бедствие их сословий», – разумно заметил один англичанин еще в 1605 году, и его мнение подтверждали и голландские, и итальянские путешественники. Тем не менее король Англии долгие годы усердно добивался союза с испанцами. Испанцы – «прогневший народ, задавленный священниками», – заявляли немецкие публицисты, но тут же расписывали огромные армии и секретные крепости на Рейне – довольно странное свидетельство упадка тех, кто их организовывал и строил.

Истина находилась где-то посередине. В Испании началась и набирала обороты экономическая депрессия, а население, особенно в Кастилии, ужасающе быстро сокращалось. Экономическая политика правительства была одинаково неконструктивной и в производстве, и в сельском хозяйстве, а финансовой политики попросту не существовало. За последние три поколения на королевские доходы легла такая нагрузка, что теперь многие налоги напрямую выплачивались кредиторам короны, минуя королевскую казну. В 1607 году правительство отказалось от уплаты своих долгов в четвертый раз за пятьдесят лет, но получило лишь кратчайшую передышку. Освобождение духовенства от финансового бремени, которое несло общество, усилило давление на средний класс и крестьянство и еще больше затруднило возможность выхода из кризиса. Несмотря на все это, великое государство даже во времена своего упадка может обладать большим могуществом, чем небольшое государство, еще не достигшее величия. Англия была благополучнее Испании, но она не была и на четверть столь же могущественной, и даже Франция не могла в условиях кризиса воспользоваться такими же ресурсами, которые пока еще оставались в распоряжении у некогда великой, а ныне чахнувшей испанской монархии. Ослабленное правительство покоилось на четырех мощных опорах – серебряных рудниках Нового Света, вербовочных базах Северной Италии, верности Южных Нидерландов и таланте генуэзского полководца Амброзио Спинолы. У испанского королевства еще оставалась армия, по общему мнению, лучшая в Европе, оно еще могло оплачивать ее, поскольку перуанские серебряные слитки в основном для нее и предназначались, оно располагало плацдармом во Фландрии, откуда могло усмирять голландцев, и военачальником, который был на это способен. Если бы Испания вернула себе процветающие северные провинции Нидерландов, это дало бы шанс на экономическое возрождение для всей империи.

Южные провинции Нидерландов, опорная база для предстоящего нападения, в 1609 году вышли из войны между испанцами и голландцами разоренными и зависимыми от Испании в финансовом плане. Тем не менее с виду они казались процветающими. Отданные в приданое за инфантой Изабеллой, дочерью Филиппа II, когда она вышла замуж за своего двоюродного брата эрцгерцога Альбрехта, они формально обладали независимостью, по крайней мере до смерти ее мужа, после чего, поскольку брак был бездетным, они должны были вернуться под власть испанской короны. Поэтому, естественно, пожилой эрцгерцог и его супруга, хотя и ставили на чиновные посты местных граждан и поощряли национальное самоуважение, все же проводили такую политику, которая удовлетворяла их неизбежного наследника – короля Испании.

Деятельные, щедрые, благожелательные и справедливые, они издавна посвятили себя служению своему народу. Глубокое религиозное возрождение придало нации новые силы и ощущение единства, интеллектуально изоциренный двор превратил Брюссель в европейский центр искусств, а дисциплинированная и педантично оплачиваемая армия обеспечила временное, но выгодное оживление экономической жизни во всей стране. Великодушная и величественная, эрцгерцогиня Изабелла стремилась завоевать любовь своего народа, и это ей удалось; ее популярность способствовала популярности правительства, и тот факт, что у провинций нет будущего, скрывался под завесой их активности и независимости.

Южные и северные провинции Нидерландов разделяла граница, проведенная произвольно по самой дальней линии обороны, которую в состоянии были поддерживать голландцы. Сама эта граница оставалась знаком нерешенного конфликта, поскольку не соответствовала никакому религиозному или языковому разделу; к югу от нее, во Фландрии и Брабанте, также говорили на голландском (фламандском), на севере от нее, в Голландии, Зеландии и Утрехте, также жили и католики, а на юге – протестанты. Перемирие не решило проблем ни национальной принадлежности, ни веры, а устранив военную угрозу, оно практически уничтожило шаткое единство восставших провинций.

Испанские Нидерланды, невзирая на внутреннюю слабость, по крайней мере, были объединены под сильным и любимым в народе правительством. А вот севернее каждая из семи Соединенных провинций претендовала на собственные привилегии, вопреки общему благу. Меньшинство тайных католиков как минимум в трех провинциях было угрожающе многочисленным, а сами протестанты враждовали между собой, поделившись на две непримиримые группировки. Единственный элемент единства обеспечивал Мориц, принц Оранский, сын Вильгельма I Молчаливого, который командовал армией и был статхаудером (штатгальтером) пяти из семи провинций. У него были свои враги; все больше сторонников находила партия, подозревавшая его в династических амбициях и опасавшаяся, как бы их страна, сбросив в себя тиранию Габсбургов, не попала под тиранию Оранского дома. Две религиозные фракции, на которые разделился его протестантский народ, более-менее совпадали с группами сторонников и противников принца Морица. Рано или поздно столкновение должно было произойти.

Внутренняя опасность усугублялась внешними угрозами. Феноменальное развитие голландской торговли озлобляло англичан, которые когда-то были надежными союзниками, не говоря уже о датчанах и шведах. Подчиненность коммерции и то, что значительная часть сельскохозяйственных земель была отдана под молочное скотоводство, сделали провинции зависимыми от Польши и Дании, откуда они получали зерно, и от Норвегии, откуда шла древесина. В городах же благодаря успехам частного предпринимательства национальное богатство сосредоточилось в нескольких руках, из-за чего народ крайне обнищал и начал роптать.

Англия, самая важная из трех северных держав, в 1618 году была раздираема собственными противоречиями и в силу этого реже играла какую-либо заметную роль в Европе. Ее правящий класс был слишком протестантским и слишком противился принципу абсолютизма, чтобы стремиться к альянсу с испанцами, в то время как экономические опасения мешали англичанам оказать помощь голландцам.

Две другие северные державы – Швеция и Дания с подчиненной ей Норвегией – едва ли стали бы сидеть сложа руки. Обе страны были лютеранскими. В обеих централизующее могущество короны сдерживалось честолюбивым дворянством, и обеими правили чрезвычайно одаренные короли, намеренные подчинить аристократию при помощи торгового и ремесленного классов. Из этих двух монархов, пожалуй, самым удачливым оказался юный Густав II Адольф, шведский король; его отец уже отчасти ограничил силу дворянства и после победы над русским царем обеспечил для своих купцов важную часть южного побережья Балтийского моря. С другой стороны, датский король Кристиан IX был хозяином пролива Зунд (Эресунн), где взимал пошлину с каждого проходящего через пролив корабля; вырученные средства шли

на укрепление власти короны. Как повелитель Гольштейна, он располагал стратегическим опорным пунктом в Северной Германии.

Была и еще одна северная сила или, скорее, ее подобие – Ганзейский союз. Эта некогда влиятельная конфедерация торговых портов ныне погружалась в упадок, а те ее члены, которые еще преуспевали, стремились освободиться из-под ее контроля.

Дания, Швеция, Ганзейский союз – все они с ревностью смотрели друг на друга и на голландцев. Они могли бы сформировать эфемерные альянсы внутри группы, но о совместном оборонительном союзе против Габсбургов не могло быть и речи.

На Балтийском море было и еще одно государство, связанное как с Северной, так и с Центральной Европой, – Польша, граничившая на востоке с Россией и Турцией, а на юге – с владениями Габсбургов в Силезии и Венгрии. Семейные узы соединяли короля Сигизмунда III Вазу с династиями Севера и Юга. Сын шведского короля Иоанна III, он имел право по наследству претендовать на шведский трон, но потерял его из-за религии. Он был набожным католиком и учеником иезуитов, так что и его вера, и его политика – он упорно боролся против требований польского сейма – склоняли его к союзу с Габсбургами. Он дважды брал себе жен из этого дома (от первой у него было четверо, от второй семеро детей).

При всех этих разногласиях в северных королевствах, при том, что польский король Сигизмунд III мог встать на пути у любого из них, при том, что голландцы враждовали между собой и с подозрением относились к собственному правительству, у короля Испании Филиппа III были все шансы подчинить себе провинции после того, как закончится перемирие. Если бы это произошло, Франция оказалась бы между вновь объединенными владениями Габсбургов на северо-востоке, востоке и юге. Поэтому ее правительство, как никакое другое в Европе, было заинтересовано в том, чтобы предотвратить поражение голландцев.

К 1618 году Франция оправилась от разрушительных религиозных войн и прибыльно торговала на экспорт вином и зерном с Англией, Германией, Италией и Испанией; ее южные порты конкурировали с Венецией и Генуей в торговле с Левантом, и страна становилась европейским рынком для купли-продажи сахара, шелка и пряностей. С ростом королевских доходов от импортных и экспортных пошлин власть короны укреплялась. С другой стороны, процветание сделало купцов и крестьян менее сговорчивыми, а землевладельцы-дворяне смотрели на все это без восторга и роптали. В то же время значительное и привилегированное протестантское меньшинство возмущалось приверженностью короля и его правительства католической вере и одобряло вмешательство иностранных держав. К этой постоянной внутренней опасности прибавилась внешняя, заключавшаяся в том, что испанские и австрийские агенты непрерывно вмешивались в дела приграничных государств, Савойи и Лотарингии, откуда было бы удобно напасть на Францию.

У французского правительства был один ценный потенциальный союзник. Как глава католического христианского мира папа должен был бы приветствовать политику Крестового похода, которую проводила династия Габсбургов, но как итальянский государь он опасался усиления их власти и на полуострове, и во всей Европе. Поэтому папа, естественно, отдавал предпочтение их соперникам. Ревность между двумя ведущими католическими державами провела черту поперек политического устройства Европы, и высшая миссия папы должна была состоять в их примирении и объединении католического мира. Однако ему не хватало ни духовного авторитета, ни политических средств; Ватикан неуклонно отодвигался от Габсбургов в сторону Бурбонов.

Кроме того, французское правительство время от времени получало в союзники герцогство Савойское и Венецианскую республику. И первое, и вторая представляли для нее большую важность. Герцог Савойский владел альпийскими проходами из Франции в Италию, и по этой причине его усердно обхаживали и Габсбурги, и Бурбоны. Собственные симпатии привязывали его ко вторым всякий раз, когда робость не заставляла его уступить первым. С другой стороны,

владения Венецианской республики граничили с долиной Вальтеллина на протяжении около 50 километров; эта долина была главным опорным пунктом всей империи Габсбургов. По ней транспорты с деньгами и войска направлялись из Северной Италии к верховьям Рейна и Инна и оттуда продолжали путь либо в Австрию, либо в Нидерланды. Все здание империи

Габсбургов скреплялось, как цементом, испанскими деньгами и подпиралось испанскими армиями. Заблокируйте Вальтеллину, и здание рухнет. Поэтому неудивительно, что Венеция имела возможность отстаивать свои права в спорах с династией, и неудивительно, что эрцгерцог Штирии и король Испании искали способы повергнуть ее, прежде чем она сможет повергнуть их.

Испанцы стремились контролировать Вальтеллину в одиночку, но не могли позволить себе рассердить Швейцарскую конфедерацию, один из кантонов которой, Граубюнден граничил с долиной Вальтеллина на севере. Поэтому они удовольствовались созданием происпанской партии в Граубюндене, и этому примеру сразу же последовали французы. Эта долина была самым слабым звеном в обороне Габсбургов, и стремление овладеть ею будет играть большую роль в политических событиях следующих 20 лет, несоразмерную фактической ценности, которой она могла бы похвастать.

От Испании до Польши, от Франции до восточных границ шведской Финляндии и замерзающих зимой портов Балтийского моря в основе всей европейской политики лежал краеугольный камень Германии. Этот огромный конгломерат взаимозависимых государств, называвшийся Священной Римской империей германской нации, образовывал и географический, и политический центр Европы. В борьбе между Габсбургами и Бурбонами, между королем Испании и голландцами, между католиками и протестантами Германии предстояло сыграть решающую роль. Каждое правительство осознавало это, и каждое пыталось преследовать свои интересы в этой раздробленной стране.

Испанскому королю нужен был Рейн, чтобы легко доставлять войска и деньги из Северной Италии в Нидерланды. Король Франции и голландцы не меньше нуждались в том, чтобы союзники на Рейне помешали этому. Короли Швеции и Дании искали союзников в борьбе друг против друга на побережье Балтийского моря, против короля Польши и против голландцев. Папа пытался создать католическую партию в Германии, оппозиционную императору Габсбургу, а герцог Савойский интригами старался обеспечить себе избрание на императорский трон.

Все взгляды из Рима, Милана, Варшавы, Мадрида, Брюсселя и Гааги, Парижа, Лондона, Стокгольма, Копенгагена,

Турина, Венеции, Берна, Цюриха и Кура были устремлены к империи. Главный конфликт назрел между династиями Габсбургов и Бурбонов, со дня на день должны были столкнуться король Испании и голландские республиканцы. Однако войну спровоцировало восстание в Праге и поступок одного князя на Рейне. И единственный ключ к проблеме давало географическое и политическое положение Германии.

5

Беда Германии в первую очередь заключалась в географии, а во вторую – в традиции. С незапамятных времен она была не отгороженной территорией, а широкой дорогой, по которой шли армии и племена, а когда в конце концов потоки народов схлынули, древний обычай подхватили европейские купцы.

Германию покрывала сеть дорог, связанных друг с другом на перепутьях крупными расчетными конторами во Франкфурте-на-Майне, Франкфурте-на-Одере, Лейпциге, Нюрнберге, Аугсбурге. Вест-индский сахар поступал в Европу через сахарные заводы Гамбурга, русские меха – через Лейпциг, соленая рыба – через Любек, восточные шелка и специи – из Венеции через Аугсбург, медь, соль, железо, песчаник, зерно шли по Эльбе и Одере, испанская и английская шерсть, сотканная в Германии, конкурировала с испанскими и английскими тканями на европейском рынке, а древесина, из которой строилась Непобедимая Армада, доставлялась из Гданьска (в 1793–1945 гг. назывался Данцигом). Несметные полчища путешествующих купцов и иностранцев сильнее повлияли на развитие Германии, чем любой иной фактор. Торговля была ее жизнью, и города в Германии разрослись так плотно, как ни в одной другой европейской стране. Немецкая цивилизация сосредоточилась в маленьких городках, но деятельность ее торговцев, приток иностранцев на лейпцигские и франкфуртские ярмарки – все это направляло интересы немцев за пределы собственной страны.

Политические традиции Германии особо ярко подчеркивают ее характер, сложившийся благодаря географической случайности. Возрождение [Западной] Римской империи Карлом Великим не было совсем уж фантастическим замыслом, поскольку он владел землями по обе стороны от Рейна и Альп, но, когда со временем его титул перешел к династии саксонских королей, обладавших сравнительно небольшими территориями во Франции и Италии, термин «Римская империя» давал уже неверное представление. Вступив в противоречие друг с другом, античные и средневековые идеи, теории и факты породили в XV веке, можно сказать, извиняющееся название «Священная Римская империя» добавлением к ней слов «германской нации». Но было уже слишком поздно; античная традиция и жажда власти влекли германских государей в завоевательные походы в Италию, и германская нация с самого начала роковым образом растворилась в Священной Римской империи.

В погоне за тенью всемирной державы германские правители утратили шанс на державу национальную. Германский феодализм не был поглощен централизованным государством, а, напротив, полностью распался. Привычный уклад и слабость центрального правительства приводили к тому, что каждый мельчайший фрагмент все более полагался на собственные силы за счет единого целого, так что в конце концов один император с богохульной насмешкой объявил себя настоящим «царем царей». Феодами в империи владели и иноземные правители: датский король был герцогом Гольштейна, а огромные разбросанные владения, составлявшие часть империи, известную как Бургундский округ, фактически пользовались независимостью под властью короля Испании. При этом прямые вассалы императора, например курфюрст Бранденбургский, владели землями за границами империи, независимыми от императора. Подобное устройство давно уже не соответствовало ни одному из существующих определений государства.

Долгая вереница Габсбургов на императорском престоле значительно усугубила тяжесть положения. Обладая могуществом в пределах наследственных владений, они держали в страхе, но не могли контролировать правителей более низкого ранга, которые, в свою очередь, противились всяким попыткам централизации, так как считали правящую династию и без того уже слишком сильной. Родственные связи между испанским монархом и германским императором окончательно все испортили, поскольку император просил помощи у короля Испании

для борьбы с недовольными его властью, а князья в ответ обращались к врагам Испании, и в первую очередь королю Франции. Шаг за шагом германские князья превратили свою страну в поле битвы, открыв ее для соперничества чужеземных правителей.

Между тем внутренняя раздробленность все больше усугублялась. Даже к началу века – а в Гессен-Касселе и к 1628 году – принцип первородства еще не успел закрепиться в империи, и князья делили земли между сыновьями, предоставляя каждому независимые или почти независимые права. В одной провинции могло возникнуть до полудюжины мелких государств, каждое из которых пользовалось независимостью, каждое имело столицу в каком-нибудь городке, а порой не более чем деревушке с королевским охотничьим домиком, который был и центром государства, и дворцом его государя. Каждый такой кусочек носил название родительского государства, к которому прибавлялось название его главного города, из-за чего география империи обременялась такими топонимами, как Гессен-Кассель, Гессен-Дармштадт, Баден-Баден, Баден-Дурлах; помимо Курпфальца и Рейнского Пфальца, существовали родственные ему княжества Цвайбрюккен, Нойбург, Циммерн и Зульцбах, а в небольшое государство Ангальт (Анхальт), которое само по себе не больше Эссекса в Англии, в 1618 году входило четыре княжества – Цербст, Дессау, Бернбург и Кётен.

Между этими княжествами были разбросаны вольные города – малые и большие территории, не зависевшие ни от кого, кроме императора. Некоторые из них, например Нюрнберг и Ульм, владели целыми провинциями; другие, такие как Нордхаузен или Вецлар, могли похвастать разве что опрятными садиками вокруг городских стен. Существовали даже вольные имперские селения. Всю эту географическую неразбериху довершали церковные владения, аббатства и епископства с независимыми правами, от мелкой провинции Мюнстер до разбросанных земель Фрайзинга, отделенных друг от друга расстояниями более чем в сто миль.

Все это лишь самые важные члены из этой федерации отдельных государств; а уж всех вольных рыцарей и графов, которые, подобно Гецу фон Берлихингену, могли заявить, что они «зависят только от Бога, императора и самого себя», невозможно и сосчитать. Пожалуй, нашлось бы сотни две тех, чьи богатства и земли давали им некоторое право голоса, и почти две тысячи тех, чье экономическое положение можно было сравнить с положением английского сельского дворянина. Таким образом, населением в 21 миллион человек управляли более чем две тысячи отдельных государей. Низшее дворянство, рыцари и свободные держатели императорской земли образовывали между собой конфедерации там, где их владения располагались плотнее всего, либо договаривались с главным администратором провинции там, где их было немного. Тем не менее даже с учетом этих объединений в Германии насчитывалось более трехсот потенциально конфликтующих правителей.

Подобное положение дел создавало непреодолимые трудности для механизма императорского правительства. Теоретически император имел возможность созвать всех независимых правителей в рейхстаг или сейм, изложить перед ними свои замыслы и получить их согласие, чтобы придать им силу закона. Любой общий закон или налог считался недействительным, если не был принят на подобной ассамблее. К сожалению, ни один рейхстаг не обходился без пустых препирательств о том, кто главнее и кто имеет право голоса. Часто не так-то просто было ответить на вопрос, кто именно из множества князей, деливших между собой провинцию, имеет право голосовать в рейхстаге. Когда количество частей Брауншвейга сократилось с четырех до двух, оба их правителя получили по два голоса, а вот когда Анхальт распался на четыре княжества, его представителям пришлось делить один голос на четверых. Вдобавок, если возникали споры вокруг раздела каких-то территорий, соперники непременно требовали себе равных прав, что вызывало вражду между участниками рейхстага, а за его стенами проливалась кровь.

По своему происхождению рейхстаг был совещательным органом, и правом личного голоса распоряжались только высшие князья и сановники церкви. Таким образом, сравни-

тельно малая кучка князей могла получить большинство голосов и не считаться ни с равными, ни с нижестоящими. Поэтому некоторые князья вообще добились права не подчиняться никаким решениям, которые не имели их личного согласия. Вследствие этого рейхстаг как всеимперский законодательный орган потерял всякий смысл. Если император хотел управлять Германией не только на словах, но и на деле, ему следовало найти иные способы законотворчества. Он вернулся к управлению посредством манифестов и обращений и, где мог, добивался их исполнения за счет престижа своей династии. Едва ли справедливо обвинять императора в тирании, как это часто происходит, только потому, что он правил государством без участия рейхстага, – ведь править вместе с рейхстагом стало невозможно.

Император мог бы освободиться от рейхстага, но он никак не мог избавиться от коллегии курфюрстов. Церемония выборов всегда неукоснительно проводилась после смерти императора, хотя, как правило, итог ее был известен заранее. Таким образом, истинными властителями империи были семь курфюрстов, поскольку без них нельзя было выбрать императора; без их согласия не мог собираться рейхстаг; при этом председатель коллегии имел право созвать ее без ведома императора, а ее указы были обязательны к исполнению как с одобрения императора, так и без него. Еще одна особенность коллегии курфюрстов полностью выводила ее из-под контроля Габсбургов: курфюрстов было семь, но только шестеро из них имели право заседать на обычных собраниях. Король Богемии (Чехии), который на самом деле был не имперским князем, а независимым монархом соседней страны, имел право голосовать на выборах императора, но больше ни в каких случаях не мог вмешиваться в дела империи. На троне Чехии уже много лет сидели Габсбурги; и если их кандидат всегда мог быть уверен, что на выборах получит хотя бы один голос за, то, став императором, он уже не мог никоим образом контролировать решения коллегии. Поскольку император был обязан советоваться с курфюрстами, прежде чем созвать рейхстаг, ввести новый налог или изменить старый, распорядиться выморочными землями, заключить межгосударственный союз или объявить войну, тем самым он лишался всяких прав на самостоятельные действия.

Над финансово-бюджетной и военной организацией император имел так же мало власти, как и над законодательным процессом. Для этих целей империя была поделена на десять округов, каждый со своим местным окружным собранием и выборным главой. В случае нападения на округ его глава мог обратиться за помощью к двум соседним округам, а если они и вместе были не в состоянии защититься, то могли призвать на помощь еще два. Если и это не облегчало положения, пять округов могли попросить курфюрста Майнцского созвать главных депутатов рейхстага во Франкфурт-на-Майне на ассамблею, которая не требовала согласия императора и называлась депутационстаг – собрание депутатов. Если это собрание соглашалось с тем, что округу, подвергшемуся нападению, требуется дополнительная помощь, оно, в свою очередь, ходатайствовало перед императором о созыве общего рейхстага. Благодаря этой удивительной процедуре половина империи могла быть полностью охвачена гражданским конфликтом или войной с внешним врагом, прежде чем кто-то хотя бы поставил императора в известность об этом.

Разделение на округа фактически ослабило центральную власть, не решив никаких проблем организации. Возникла бесконечная неразбериха из-за ненормальных отношений между округом и его отдельными членами в связи с непрерывными пререканиями о том, кто отвечает за оборону, денежное обращение, сохранение мира и управление районом. Более того, главой каждого округа – в теории имперского чиновника – на самом деле всегда становился самый влиятельный из местных князей, и вследствие этого его политика основывалась на его личных предпочтениях. Он мог выполнять императорские указы, однако никто не мог принудить его делать это против воли. Его председательство лишь добавляло несколько полномочий к тем правам, которыми он и так уже обладал в качестве владетельного князя.

Лишь отправление правосудия оставляло императору некоторую свободу действий, но и тут она была ограничена. Орган, именуемый Reichskammergericht, или имперский камеральный суд, рассматривал все апелляции из местных судов, за исключением тех случаев, а их было немало, когда правящий князь сам имел право выносить окончательное решение. Однако, если даже привилегированный правитель отказывал в правосудии или препятствовал ему, имперский камеральный суд мог взять дело в свои руки, но это право могло осуществиться лишь в том случае, если правитель был слаб, а центральная власть пользовалась сильной местной поддержкой. Помимо этого имперский камеральный суд разбирал споры между прямыми вассалами императора и случаи вооруженного нарушения мира. В этом последнем случае император имел также право собрать имперские войска и направить их против мятежников.

Имперский камеральный суд состоял из двадцати четырех членов и председателя. Габсбурги как императорская династия, эрцгерцоги Австрийские и герцоги Бургундские имели право назначать шестерых из них, а оставшиеся восемнадцать назначались князьями и главами округов. Для рассмотрения постановлений этого суда и придания им силы законов в Германии ежегодно собиралась комиссия в составе одного из курфюрстов, двух князей, свободного графа, церковного сановника, делегата от вольного города и полномочных представителей курфюрста Майнцского и императора. В 1608 году председателем был избран протестант, и члены-католики отказались ему подчиниться; с этого момента всякие разбирательства были прекращены вплоть до решения этой неразрешимой проблемы.

Приостановка деятельности суда позволила императору упрочить свою власть. В империи издавна существовал еще один судебный орган, через который император имел возможность выводить из ведения камерального суда дела, касавшиеся прав наследования и владения. Это был Reichshofrat – имперский надворный совет, орган, состоявший исключительно из императорских советников, который занимался вопросами преемственности и привилегий и разбирал преступления, совершенные прямыми вассалами императора. Имперский камеральный суд имел право выносить решения только в случаях фактического мятежа или нарушения мира в империи, когда под угрозой оказывалась безопасность всего государства. Его крах, таким образом, автоматически расширил полномочия надворного совета.

Имперская конституция представляла непреодолимые трудности для кодификации. Поэтому после каждых выборов императора приводили к присяге, где утомительно долго перечислялись все привилегии его подданных. Он обязывался править только с согласия рейхстага, не назначать иностранцев на имперские посты, не начинать войну и не объявлять вне закона никого из своих подданных без общего согласия. Эта присяга, или капитуляция, слегка изменялась на каждых новых выборах, и бывали такие случаи, когда многие ее положения нарушались, если не все вообще. В конечном итоге власть императора опиралась не на конституцию, а на силу.

Имперская армия набиралась за счет контингентов отдельных государств, а оплачивалась из средств, выделенных голосованием рейхстага. Субсидии почему-то назывались «римскими месяцами» и составляли 128 тысяч гульденов, то есть такую сумму, в которую обходилось месячное содержание армии. Однако в случае вооруженного конфликта, который неизбежно становился последним аргументом в споре за власть, император, вероятно, смог бы собрать только ту армию, которую мог содержать из собственных ресурсов. А так как династия Габсбургов обладала куда большими ресурсами, чем любые ее предшественники, она сравнительно эффективно сохраняла свои позиции.

Несмотря на то что в 1618 году императорский титул по сути был пустышкой, Габсбурги не оставляли надежд вернуть ему реальную власть. У такого приверженного традициям народа, как германский, в глубине души всегда таилось почтение к императору даже среди самых рьяных защитников «германских свобод» – и расчетливый император всегда мог воспользоваться этим чувством.

Выражение «германские свободы» набрало популярность в XVI веке. В теории оно означало конституционные права отдельных правителей империи, а фактически – все то, что диктовали прихоти и выгоды князей, но эта неприкрытая правда ничуть не умаляет той личной искренности, с которой большинство из них верило в свои возвышенные мотивы. У менее многочисленной группы сторонников державной власти, сплотившейся вокруг императора, был свой объединяющий лозунг – «справедливость»; у одних на первом месте стояло правительство, у других – независимость. В конце концов разрыв не мог не наступить.

Если бы разногласия между императором и его подданными проявились очевиднее, может быть, катастрофа имела бы не такие разрушительные последствия. Но такова была участь Германии, что ее разногласия были скрыты под пеленой. Вольные города опасались князей даже больше, чем князья опасались императора, и, разделяя теорию «германских свобод», сомневались в искренности князей, выступавших за них. С подозрением относясь к земельной аристократии, из рук которой они когда-то силой вырвали свободу, вольные города предпочли бы оставить все, как есть, чем пытаться выиграть хоть что-нибудь, если плодами победы придется делиться с классом, который вызывал у них такое недоверие. Высшее католическое духовенство, с другой стороны, поддерживало императора-католика, рассчитывая на то, что он защитит их от враждебно настроенных князей, нередко принадлежавших к еретическим церквям. Высокоразвитое классовое сознание разделяло землевладельцев, бюргеров, церковников и крестьян, и общее благо приносилось в жертву частным интересам. А появление у каждой из этих групп своей военной организации сделало и без того опасную ситуацию еще более угрожающей.

И даже при этом между этими партиями не существовало четких политических границ. Одни вольные города питали к соседям острую зависть конкурентов: Линдау и Брегенц на Боденском озере отказывались пускать в свои порты корабли друг друга, Любеку на Балтике не давало покоя процветание Гамбурга. Слабый князь, боясь сильного соседа, мог обратиться к императору за защитой, а спор из-за наследства мог рассорить и королевский дом, как рассорились династии, правившие в Саксонии, Гессене и Бадене. Из-за личных страхов и мелких интересов партия германских свобод размежевалась на бесчисленные враждебные друг другу фрагменты.

Среди всех этих независимых князей, прелатов, графов, рыцарей и дворян лишь около дюжины обладали достаточным авторитетом, чтобы считаться фигурами в европейской политике; вокруг этих выдающихся деятелей сосредотачивалась муравьиная политика империи. С дипломатической точки зрения они находились в двойственном положении: мелкие пешки в европейской игре, но крупные фигуры дома. Их политика отражала одновременно и ничтожество, и величие их положения, колеблясь между респектабельной дипломатией и закулисными интригами, между показной пышностью и скупостью в зависимости от того, что диктовали их интересы.

Первыми по статусу стояли семь курфюрстов. Возглавлял их курфюрст Майнцский, который вместе с курфюрстами Кёльна и Трира обладал приоритетом над всеми германскими князьями. Эти трое выражали в правительстве империи интересы религии, а точнее, католической церкви, и их престиж опирался больше на традиции, чем на власть. Остальные четыре курфюрста были светскими князьями: король Богемии (Чехии), правители Пфальца, Саксонии и Бранденбурга.

Монархами Чехии, как и Венгрии, уже почти век оставались представители дома Габсбургов. Не считая императорского семейства, высшим светским правителем в Германии считался курфюрст Пфальцский. Этот титул в течение многих поколений передавался по наследству в южногерманском роду Виттельсбахов, которому когда-то принадлежала и сама императорская корона. Столицей Пфальца был Гейдельберг (Хайдельберг) на реке Неккар, и курфюрст владел большей частью богатого винодельческого района между Мозелем, Сааром

и Рейном – неправильным треугольником, в который вдавались земли епископств Шпейер (Шпайер), Вормс, Майнц и Трир. Область носила название Рейнского или Нижнего Пфальца, но курфюрсту также принадлежал и Верхний Пфальц, сравнительно небогатый сельскохозяйственный район между Дунаем и горами Чешский Лес и Шумава. Другие князья, возможно, были богаче, но курфюрст Пфальца занимал две ключевые позиции в Германии: выгодное положение на Рейне и на Дунае, откуда мог угрожать путям сообщения между разбросанными владениями Габсбургов.

У шестого курфюрста – Саксонского – столица находилась в Дрездене, откуда он правил плодородными равнинами рек Эльба и Мульде. Это была богатая, густонаселенная провинция, процветание которой зиждилось на Лейпциге – рынке всей Восточной Европы. Лейпциг был не вольным городом, а ценнейшей собственностью курфюрста. Старшей линии того же семейства, лишенной прав наследства, принадлежала вереница «малых Саксоний» – с центрами в городах Гота, Веймар, Альтенбург, – лежавших к западу от метрополии.

Седьмой курфюрст – Бранденбургский – обладал самыми крупными, но и самыми бедными владениями: песчаной равниной на северо-востоке Германии, не имеющей торговых морских портов. Его земли питали Эльба и Одер, но в устье одной стоял вольный город Гамбург, а устье другой находилось совсем в другом герцогстве – Западной Померании. Столица Бранденбурга, малонаселенной сельскохозяйственной страны, располагалась в небольшом городке Берлине с деревянными постройками и населением менее 10 тысяч человек. Лишь в 1618 году курфюрст унаследовал Пруссию с ее прекрасным Кёнигсбергом, но эта отдаленная область за Вислой не входила в империю, а была феодем польской короны.

Помимо курфюрстов, в Германии было и еще несколько правителей высокого статуса. Герцог Баварский, властелин почти миллиона подданных, занимал настолько важное положение, которое никто не мог превзойти. Дальний родственник курфюрста Пфальцкого, он был главой младшей ветви династии Виттельсбахов, и его земли образовывали бастион между Австрией и князьями Центральной Германии. Баварское герцогство в основном было сельскохозяйственным, и в нем было немного городов. Сам Мюнхен, несмотря на новый герцогский дворец, собор и внушительные ворота, больше походил на разросшуюся деревню в предгорьях, чем на столичный город.

Герцог Вюртембергский со столицей в Штутгарте, маркграфы Баденские и ландграфы Гессенские также были не последними фигурами. Герцог Лотарингский, контролировавший один из путей во Францию, играл более важную роль в европейской дипломатии, нежели в имперской политике. Герцоги Брауншвейгские, князья из династии Вельфов, а восточнее герцоги Мекленбургские и Померанские доминировали в политике северной части империи.

6

Если в такой ситуации, когда столько течений шло против главного потока, формирование даже двух партий по вопросу о реформе империи становилось делом весьма нелегким, то религиозные распри делали его окончательно невозможным.

Лишь единая вера поддерживала единство распадающейся империи. Когда же протестантизм в клочки разорвал слабо скрепленные княжества, когда самые предприимчивые князья ухватились за него как за новое оружие в борьбе против императора, пятисотлетние теории развеялись словно дым. В 1555 году в тексте Аугсбургского религиозного соглашения был сформулирован принцип *cujus regio, ejus religio* («чья страна, того и вера»), согласно которому князьям разрешалось вводить на своей земле католическую или лютеранскую веру, а их подданным, не желавшим подчиниться, полагалось эмигрировать. Этот необычайный компромисс спас теорию религиозного единства в каждом отдельном государстве, но разрушил ее в рамках всей империи.

Религиозная рознь лишь яснее выявила разногласия между князьями и императором, поскольку семейство Габсбургов принадлежало к католической вере и не пользовалось популярностью у подданных-протестантов, притом что захват лютеранами многих епархий в Северной Германии усилил территориальную власть князей. Однако кальвинизм, возникший в течение десяти лет после Аугсбургского мира, уничтожил всякие шансы мирного исхода.

«Дракон кальвинизма, — заявлял один лютеранский автор, — чреват всеми ужасами магометанства». Яростный пыл, с которым некоторые германские правители приняли и распространяли новый культ, в какой-то степени оправдывал это утверждение. Например, курфюрст Пфальцский самым грубым образом продемонстрировал, что не верит в пресуществление. Громко смеясь, он разорвал гостию на кусочки со словами: «Что из тебя за Бог! Думаешь, ты сильнее меня? Поглядим!» У него в аскетично побеленных монастырях купелью служил оловянный таз. Ландграф Гессен-Кассельский принял дополнительные меры: велел раздавать на причастии самый черствый хлеб, чтобы у его подданных не осталось никаких сомнений в материальной природе того, что они вкушают.

Лютеране были потрясены вдвойне. Сами они уже не почитали святынь старой веры, но все же почтительно сохранили их в качестве внешних символов своего культа и питали естественное уважение к договору, который гарантировал им свободу вероисповедания. Они боялись, что кальвинисты дискредитируют все протестантское движение, и пришли в настоящую панику, когда в прямое нарушение Аугсбургского договора кальвинисты беззастенчиво и скрупулезно начали обращать в свою веру новых приверженцев. Принцип *cujus regio, ejus religio* претерпел одно разумное изменение. Отныне любой владетельный прелат, аббат, епископ или архиепископ лишался своих земель в том случае, если переходил в протестантство. Это важное правило — «духовную оговорку», *Reservation Ecclesiasticum*, — кальвинисты уважали не больше, чем сам Аугсбургский мир, положения которого не упоминали никаких иных протестантских вероисповеданий, кроме лютеранского.

Теперь, однако, лютеране стали опасаться, что будет подорван и сам договор, который обеспечивал им право на существование. Игнорирование имперских эдиктов стороной, которая считала врагами всех, кто не с ними, угрожало лютеранам не меньше, чем католикам, и правители обоих вероисповеданий стали неуверенно нащупывать пути друг к другу. Между бескомпромиссными католиками, с одной стороны, и кальвинистами — с другой, начала возникать центристская партия.

У католичества, лютеранства и кальвинизма было нечто общее: все они использовались князьями и другими правителями для усиления своего могущества. Это было весьма характерно для Габсбургов, которые во всех своих действиях неуклонно придерживались принципа

абсолютизма; а вот со стороны князей с их громкими призывами к свободе это было вопиющее лицемерие. Они требовали от императора того, в чем отказывали собственному народу. Движение за свободы, судорожные всплески мятежей в торговом и крестьянском сословии приводили в ужас злосчастных правителей, зажатых между бунтом снизу и притеснением сверху. Шли одновременно две битвы: одна между князьями и императором, другая – между князьями и их подданными, и князья несли на себе бремя обеих, принимая удары с обеих сторон, неся факел свободы в одной руке и меч тирана – в другой.

Естественный союз между теми, кто требовал свободы совести, и теми, кто требовал политической свободы, помимо их воли развалился. Религиозная политика князей-реформаторов создала дымовую завесу и затушевала, но не устранила антагонизм между католическими авторитарными государствами и их протестантскими оппонентами. Выиграли от этого католики. Их позиция оставалась четкой, в то время как протестанты, кальвинисты и лютеране тонули в противоречиях.

Личные прихоти и требования князей вредили благополучию их подданных. Саксония, Бранденбург и Пфальц метались от лютеранства к кальвинизму и обратно, оставляя за собой след из лишений, изгнаний и насилия. В Пфальце регент-кальвинист силой увез в сектантский молельный дом ребенка – наследника князя-лютеранина, который отбивался и кричал. В Бадене умер правитель, оставив беременную жену, и регент бросил вдову в тюрьму, а после рождения наследника забрал его, чтобы воспитать в своей вере. В Бранденбурге курфюрст заявил, что скорее сожжет свой единственный университет, чем допустит, чтобы в него пролезла хоть одна кальвинистская доктрина. И тем не менее его преемник стал кальвинистом и поставил нового пастора в Берлине, тогда толпа лютеран ворвалась в его дом и разграбила его до такой степени, что на следующий день, в Страстную пятницу, ему пришлось читать проповедь в зеленых подштанниках, которые только и оставили ему мятежники.

Извращенные усилия образованного класса тратились на сочинение ругательных книг, охотно читавшихся неразборчивой публикой. Кальвинисты призывали всех истинно верующих к насилию и особо предпочитали самые кровавые псалмы. Но и католики с лютеранами не были невинными жертвами, и повсюду доказательством истинной веры становилась грубая сила. Лютеране нападали на кальвинистов на улицах Берлина; католические священники в Баварии носили при себе ружья для самообороны; в Дрездене толпа остановила похоронную процессию одного итальянца-католика и разорвала его труп в клочки; протестантский пастор и католический священник подрались прямо на улице во Франкфурте-на-Майне, а в Штирии иезуиты часто срывали богослужения у кальвинистов: они тайно пробирались на собрание, умыкали молитвенники из рук молящихся и ловко подсовывали вместо них свои требники.

Подобное происходило не каждый день и не везде. Бывали относительно спокойные годы; встречались не тронутые враждой области; представители всех трех направлений христианства заключали браки, дружили и мирно обсуждали противоречия. Но ни в чем нельзя было быть уверенным. Человек мог быть великодушен или безразличен, местный священник или пастор мог пользоваться уважением всех трех сторон, но везде, явно или подспудно, оставалась опасность вспышки, а центральная власть была слишком слаба или слишком пристрастна, чтобы не допустить пожара.

7

Из-за хронических болезней администрации и нравственного упадка интеллектуальный авторитет Германии и ее социально-культурные достижения начали вырождаться. То тут, то там над толпой современников возвышались великие люди: в Саксонии композитор и музыкант Генрих Шютц, в Силезии поэт Мартин Опиц, в Аугсбурге архитектор Элиас Холль, а в Вюртемберге теолог Иоганн Валентин Андреэ. Однако они выделялись своей редкостью; их были единицы. Кое-где предпринимались попытки улучшить систему образования и развивать немецкую культуру, особенно среди правящего класса, но добивались они немногого. Как в политической, так и в интеллектуальной и общественной жизни Германию затмевали соперницы – Франция и Испания; при императорском дворе завели повадки, искусство и одежду на испанский манер, при дворах Штутгарта и Гейдельберга (Хайдельберга) – на французский. Дрезден и Берлин отвергали иностранное влияние и расплачивались за это культурной отсталостью. Музыка, танцы и поэзия ввозились из Италии, картины – из Нидерландов, романы и мода – из Франции, пьесы и даже актеры – из Англии. Мартин Опиц, красноречиво призывая сделать немецкий язык средством литературного творчества, сам писал на латыни, чтобы наверняка быть услышанным. Принцесса Гессенская сочиняла изящные вирши по-итальянски, курфюрст Пфальца писал любовные письма по-французски, а его жена-англичанка так и не посчитала нужным выучиться говорить по-немецки.

Фактически в ту эпоху Германия славилась в Европе только обжорством да пьянством. «Вол перестает пить, когда утоляет жажду, – говорили французы, – а немцы только начинают». Путешественников из Испании и Италии поражали чудовищный аппетит и неумение поддерживать разговор в стране, где богатые люди любого сословия целыми часами молча ели и пили под оглушительный грохот духового оркестра. Немцы не отрицали обвинений. «Мы, немцы, – гласила народная поговорка, – съедаем и выпиваем наши деньги». *Valete et inebriamini*⁶ – такими словами один вельможа, вечно навеселе, имел обыкновение заканчивать письма к друзьям. Ландграф Гессенский основал общество трезвости, но его первый же президент умер от пьянства; Людвиг Вюртембергский по прозвищу Благодетельный перепил двух собутыльников до потери сознания и, сохранив достаточную трезвость, велел отправить их домой в телеге со свиньей. Пьянство охватило все слои общества; молодые господа в Берлине, возвращаясь домой после кутежа, врывались в дома мирных бюргеров и гонялись за ними по улицам. На крестьянских свадьбах в Гессене на еду и питье тратили сбережения, накопленные за год и больше, и свадебный кортеж чаще добирался до церкви уже пьяным, чем трезвым. В Баварии и еще с меньшим успехом в Померании правительство раз за разом принимало законы, пытаясь запретить подобные излишества.

Такой репутацией не стал бы гордиться немецкий интеллектуал, однако патриоты попроще были не прочь прославить национальную любовь к мясу и вину. Они опирались на авторитет Тацита, утверждая, что их предки вели себя примерно так же. Эта своеобразная разновидность национальной гордости, впоследствии достигшая в Германии своего апогея, зародилась еще в XVI веке. Арминия⁷ оптимистично превратили в Германа (Германна) и уже начали создавать из него национального героя, а как минимум один ученый пытался вывести прямое происхождение всей германской нации от четвертого сына Ноя, который родился на свет уже после потопа. Словом *Teutsch*⁸ называлось все честное и смелое, и любой правитель,

⁶ Будьте здоровы и пьяны (*лат.*).

⁷ Арминий – вождь германского племени херусков в начале нашей эры (р. ок. 17 г. до н. э., убит в 21 г. н. э.), одержавший победу над римлянами в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э., но в 15 и 16 гг. римляне под командованием Германика жестоко отомстили германцам за это поражение; упоминается у Тацита. (*Примеч. пер.*)

⁸ Устаревшая форма слова *Deutsch*, «немец», «немецкий». (*Примеч. пер.*)

желавший заручиться народной поддержкой, ссылаясь на текущую в нем германскую кровь и присущие ему германские добродетели. Национальное самосознание германской нации сохранилось нетронутым и служило едва ли не единственной гарантией существования государства, чья культурная и политическая жизнеспособность, казалось, угасла.

Это интеллектуальное бесплодие имело под собой и другую, более глубокую причину, нежели то, что все силы народа поглощал религиозный конфликт. Начали исчезать сами условия, в которых складывалось величие Германии. Ее культура опиралась на города, но города пришли в упадок. Ненадежность транспорта в политически нестабильной стране и сокращение итальянской торговли губительно сказались на немецкой коммерции. Кроме того, в ее денежном обращении царил полный хаос; не было эффективной центральной власти, которая бы контролировала выпуск денег бесчисленными монетными дворами; и князья, и города, и прелаты наживались на чеканке монет, как хотели. Саксонская династия располагалась сорока пятью монетными дворами, герцоги Брауншвейгские – четырьмя десятками; в Силезии их было восемнадцать, в Нижнерейнском округе – шестьдесят семь.

Между тем кредитоспособность Германии упала, а из-за рискованных спекуляций один за другим терпели крах крупные банковские дома. Фирма Манлиха в Аугсбурге разорилась еще в 1573 году, а фирма Хауга – год спустя; более крупное предприятие Вельзеров обвалилось в 1614 году, и всемирно известные Фуггеры не сумели пережить бури и вскоре объявили о закрытии, потеряв в общей сложности больше 8 миллионов гульденов.

Все это время шведская, голландская и датская конкуренция душила Ганзейский союз, и во всей Германии только Гамбург и Франкфурт-на-Майне показывали признаки стабильности и растущего процветания.

В сельском хозяйстве упадок проявился даже хуже, чем в городах. После крестьянской войны взаимные страхи между крестьянами и землевладельцами полностью сменили собой прежние отношения взаимных обязательств. Землевладельцы использовали любую возможность для упрочения своей власти, и крепостной гнет либо ничуть не ослаб, либо даже усилился. Секуляризация церковных земель на севере Германии добавила причин для недовольства, поскольку крестьяне – хотя давно уже протестанты – не были столь же привязаны к сенью-мирянину, как прежде к епископам и аббатам. Мелкий свободный землевладелец из класса «рыцарей» не отличался высокой нравственностью; как правило, это были ленивые, безответственные и взыскательные хозяева. Пристрастие аристократов к охоте заставляло тщательно охранять опасную дичь, наносившую вред хозяйствам, и крестьяне были вынуждены даром обслуживать охотничьи кампании своего хозяина, которые порой опустошали целые поля.

Нищета, политические беспорядки, религиозные распри, конфликт интересов и личная зависть – все это угрожало в любой момент вспыхнуть войной. А в огне не было недостатка.

В 1608 году столкновение между католиками и протестантами в Донауверте, вольном городе на Дунае, несколько месяцев держало империю на грани катастрофы. Надворный совет с одобрения императора лишил Донауверт прав и вернул католикам тамошнюю церковь, неправомочно захваченную протестантами. Протестантская Германия встретила этот указ бурей возмущения, и, если бы у нее нашелся вождь, могла бы начаться война. Однако межпартийные ссоры затушили костер, ибо города не желали объединяться с князьями, а лютеране – с кальвинистами.

В 1609 году восстание в Чехии вынудило императора гарантировать в стране свободу вероисповедания, но, не считая некоторого ослабления императорского авторитета, инцидент не привел ни к каким заметным последствиям.

В 1610 году смерть герцога Клеве-Йюлиха, не оставившего наследников, вызвала третий и самый опасный кризис. Его земли – Йюлих (Юлих), Клеве, Марк, Берг и Равенсберг – были разбросаны по Рейну от голландской границы до Кёльна и могли служить важным военным плацдармом как для Габсбургов, так и для их противников. Двое претендентов, оба про-

тестанты, заявили о своих правах, и император тотчас же ввел в регион войска в ожидании того, чем решится дело. Это было самое меньшее, что мог сделать император для того, чтобы предотвратить серьезное столкновение между соперниками, но протестантские князья увидели в его действиях попытку захватить земли для собственной династии, а французский король Генрих IV усмотрел в них козни испанского короля Филиппа III, который стремился обеспечить себе этот важный район для операций против голландцев. Генрих IV не колебался; действуя вместе с германскими союзниками, он стал готовиться к вторжению, и лишь его случайное убийство предотвратило европейскую войну. Когда у конфликта не стало вождя, он перешел в затяжные переговоры, пока один из претендентов не попытался решить проблему переходом в католичество. Его соперник, курфюрст Бранденбургский, в надежде заручиться поддержкой крайней протестантской партии обратился в кальвинизм, но из-за этого шага у него возникло столько личных затруднений, что в конце концов ему пришлось согласиться на временное урегулирование вопроса, по которому Йюлих и Берг отошли к его сопернику, а ему остались только Клеве, Марк и Равенсберг.

Пока империю бросало из кризиса в кризис, из которых она каждый раз выходила все с большим трудом, отдельные правители стремились обеспечить собственную безопасность. Первоочередной задачей казалась сильная оборона. Одного путешественника в 1610 году поразило, что даже в самых маленьких городках люди грозили друг другу оружием. Один заезжий англичанин, которого быстро и беспардонно выдворили за ограду герцогского дворца, с негодованием заявил, что дома «этих недостойных князей охраняются голодными алебардистами и заплесневелыми стражниками да парой головорезов, так что их дворцы больше похожи на тюрьму, чем на свободный и благородный двор могущественного владыки». Оружие поставляли союзники, пока не образовалась паутина столь озлобленной вражды, что и самый дальновидный из тогдашних политиков не мог бы предсказать, где плотину прорвет в конце концов и кто на чью сторону встанет. Как выразился главный советник императора, даже сам Соломон не смог бы развязать узел Германии; в империи и за ее пределами каждый дипломат сам решал, что да как, и поступал соответственно в ожидании неминуемого взрыва.

8

В конце второго десятилетия XVII века империя так и продолжала опасно дрейфовать между подводными рифами, и в Европе никто не сомневался в том, что окончание перемирия в Голландии в 1621 году станет сигналом к германской войне.

Амброзио Спинола, генуэзский полководец, командующий испанской армией, тщательно подготавливал свой план нападения. Если ему удастся задействовать во Фландрии людские ресурсы равнин Северной Италии и обеспечить связь между Миланом и Брабантом, он выигрывает войну. Силы и деньги голландцев когда-нибудь истощатся. Получая серебро из Испании и пушечное мясо из Северной Италии через Геную и долину Вальтеллину, Спинола изматывает врага. Его путь из Милана в Брабант шел через долину Вальтеллину по северному берегу Боденского озера (озеро Констанц), оттуда через Эльзас, на север по левому берегу Рейна, через католическое епископство Страсбург. Нижний Рейн находился в дружественных руках – епископов Кёльна и Трира и нового герцога Йюлиха и Берга. Но между возделанными землями Страсбурга и Трира лежали 80 километров Пфальца, принадлежавшие князю-кальвинисту. Пока этот князь остается союзником голландцев, сухопутный маршрут по Рейну представлял опасность, так что пришлось бы доставлять испанские войска и деньги по морю, что на неопределенный срок затормозит планы Спинолы. Поэтому было чрезвычайно важно овладеть этим участком земли.

Замысел Спинолы, о котором давно уже подозревала противная сторона, сделал Рейнский Пфальц краеугольным камнем европейской политики и выдвинул его молодого государя в первые ряды дипломатических интриг. Курфюрст Пфальцкий был не одинок. Страх, охвативший немецкие города после нападения на Донауверт, и еще более сильная паника протестантских князей из-за имперской оккупации Клеве позволили советникам курфюрста убедить по меньшей мере некоторых правителей княжеств и городов позабыть о своей вражде и заключить союз, известный как уния. Формально протестантская, уния по преимуществу была кальвинистской. Она стала отнюдь не малочисленным ядром оппозиции Габсбургам в Германии и получила моральную поддержку от венецианцев и финансовую – от голландцев. Вдобавок король Англии отдал в жены курфюрсту Пфальцскому свою единственную дочь.

Королевские браки в начале XVII века привлекали всеобщее внимание, так что свадьба английской принцессы вызвала ажиотаж. Принцесса Елизавета, единственная оставшаяся в живых дочь Якова I, была одной из самых завидных невест в Европе, и ее прочили в жены и французскому дофину, и наследнику испанского короля, не говоря уже о короле Швеции. Немецкие курфюрсты редко попадали в список претендентов рядом с такими соперниками, и вплоть до последнего момента сторона жениха опасалась, что все их планы сорвутся. Но желание короля выдать дочь за протестанта, решительное вмешательство принца Уэльского и то, что обаятельный молодой жених сразу же завоевал расположение и короля, и его министров, и невесты, и лондонской толпы, – все это способствовало триумфу пфальцской дипломатии. Победа, однако, ни к чему не привела; договаривающиеся стороны преследовали разные цели. Европейские политики видели в курфюрсте главную проблему для Габсбургов, незаменимого союзника голландцев и протестантских правительств, пешку, пусть и огромной важности, но всего лишь пешку в их игре. При этом в самой империи он был вождем протестантской партии и избранным защитником германских свобод. Курфюрст и его министры были немцами; для них главной задачей было ослабление императора, упрочение в Германии княжеских прав и безусловной религиозной свободы. Вражда между Бурбонами и Габсбургами, предстоящая война с голландцами были для них всего лишь картами в игре, которые нужно было так хитроумно разыграть, чтобы заполнить поддержку иностранных держав.

Для курфюрста и его друзей очаг европейской напряженности находился не в Мадриде, Париже, Брюсселе или Гааге, а в Праге. Причина была проста: правящий император Маттиас⁹ был стар и бездетен, так что на очередных выборах императора представлялась возможность не дать Габсбургам снова сесть на императорский трон, и протестантское большинство в коллегии курфюрстов получало отличный шанс добиться успеха. В ней числилось три курфюрста-католика, все трое епископы, и трое курфюрстов-протестантов – Саксонский, Бранденбургский и Пфальцский. Седьмым же курфюрстом был король Богемии, где на большинстве предыдущих выборов неизменно побеждал католик и Габсбург. Однако корона Чехии была выборной, а не наследственной, а среди чехов было много протестантов, и если бы какой-то смелый германский принц поднял восстание в Чехии, вырвал бы из рук Габсбургов чешскую корону и вместе с нею право голоса на выборах императора, то протестантская партия в коллегии курфюрстов получила бы численное преимущество над католиками в соотношении 4 к 3, и участь императорской династии была бы решена.

Подобные же намеки делались и во время бракосочетания курфюрста Пфальцкого. Таким образом, о чешском проекте знали все, кто подписал брачный союз, но если советники курфюрста рассчитывали на то, что английский король поможет им осуществить планы, то король Англии со своей стороны предполагал, что эта блажь далеких германских олухов никогда не будет играть роли в настоящей европейской политике.

Две проблемы сошлись на одном человеке: европейская дипломатия, образовывавшая широкий круг, включавший Мадрид, Париж, Брюссель и Гаагу; и германская дипломатия, искавшая подходов к императорской власти и короне

Чехии. Обе они упирались в курфюрста Пфальцкого. Редко в истории Европы случалось так, чтобы столь многое зависело от личных качеств одного-единственного человека.

В 1618 году курфюрсту Фридриху V шел двадцать второй год от роду, и он девятый год находился у власти. У стройного, хорошо сложенного юноши приятные черты лица и красивые глаза дополнялись необыкновенно располагающими манерами. Не считая того, что порой его охватывало уныние, он был любезным хозяином и приятным собеседником, веселым и непритязательным. Мягкий и доверчивый, одинаково неспособный гневаться, ненавидеть и проявлять решительность, он добросовестно стремился исполнять свои обязанности, хотя очень любил охотиться, играть в теннис, плавать и даже просто поваляться в постели. Судьба-шутница не наделила его никакими пороками, зато одарила всеми достоинствами, совершенно бесполезными для государя. Он не был силен ни телом, ни духом, и нежное воспитание, которое по идее должно было расшевелить его робкую натуру и подготовить к предстоящей архисложной задаче, совсем ослабило даже те ростки твердости характера, которые у него имелись.

Его мать, дочь Вильгельма I Молчаливого, с необыкновенной силой духа хранила преданность своему болезненному мужу-пьянице, но все же удалила сына от неуправляемых вспышек его отца, отправив на воспитание к сестре в Седан, где он жил при дворе ее супруга герцога Буйонского (Бульонского). Этот дворянин был признанным вождем кальвинистской партии во Франции.

Застенчивым мальчиком четырнадцати лет Фридриха после смерти отца вернули в Гейдельберг (Хайдельберг), где он завершил свое образование под присмотром еще отцовского канцлера Христиана Ангальтского (Анхальтского). Чувствительный и ласковый, юный принц поддавался влиянию взрослых, которые лепили его по своему желанию, безоговорочно верил в ту миссию, которую они наметили для него, покорно подчинялся их мнению и обращался за советом к своему капеллану или Анхальтскому, как прежде к герцогу Бульонскому.

⁹ Маттиас (Матвей, Матфий, Матьяш) (1557–1619) – австрийский эрцгерцог и император Священной Римской империи в 1612–1619 гг.

Никто из них не обладал качествами, необходимыми для разрешения европейского кризиса; герцог Бульонский (Буйонский) был типичным неукротимым дворянином прежнего века, храбрым, благородным, честолюбивым, но не способным видеть что-либо дальше собственного носа. Капеллан Шульц не отличался от большинства своих коллег: фанатичный педант, опьяненный властью над своим чрезмерно совестливым повелителем.

Христиан Анхальтский, самая важная фигура из троих, сам родился князем, но предоставил управление своим крошечным государством Анхальт-Бернбург помощникам, чтобы найти лучшее применение своим талантам в Пфальце. Это был безгранично самоуверенный, энергичный человек с копной необычайно рыжих волос. Он выказал некоторый талант в военных делах, управлении и дипломатии. Как блестяще, например, он устроил брак с английской принцессой! Однако он и не задумывался о том, что однажды для него настанет день расплаты, когда король Англии поймет, что его втянули в германскую войну. Дипломатические игры Анхальтского с Англией, с Соединенными провинциями, с немецкими князьями, а затем с герцогом Савойским основывалась на простом принципе: он обещал всегда и все. Он рассчитывал, что, когда разразится германский кризис, его союзники выполнят свою часть сделки, прежде чем заставят его выполнить обещанное. Но он просчитался: когда пришла пора, ни один из союзов, которых он так упорно добивался, не выдержал напряжения.

Его величайшим достижением за пределами Германии был английский брак, а в самой Германии – Евангелическая уния. Воспользовавшись паникой, вызванной решением по Донауверту, он создал этот альянс и с тех самых пор поддерживал в нем жизнь. Однако Христиан Анхальтский не относился к тем, кто внушал доверие, и князья, равно как и города унии, уже начали подозревать, что он использует дело протестантов и германских свобод для усиления позиций курфюрста Пфальцкого. Сам же курфюрст настолько явно был марионеткой в руках своего министра, что никоим образом не мог развеять этих растущих сомнений. К несчастью, Фридрих оказался совершенно безобидным, но категорически неспособным решать поставленные задачи, так что его союзники плыли вместе с ним по течению к неминуемой пропасти, не имея достаточной уверенности ни для того, чтобы поддержать его, ни для того, чтобы найти повод с ним порвать.

Единственная причина столь явной нечестности Христиана Анхальтского заключалась в том, что он каждый раз обманывал и самого себя; мало кто мог быть так же безапелляционно уверен в том, что является хозяином положения. Вдобавок к самонадеянности он обладал и другими качествами, которыми рассчитывал вызвать рабское поклонение своего господина. Он казался примером всех человеческих добродетелей, преданнейшим мужем и любимейшим отцом, а его дом бы мог послужить образцом для всех германских князей. Легко понять, почему курфюрст по-прежнему в нарушение всех условностей своего времени звал министра *mon pere*¹⁰, а подписывался словами «ваш смиренный и покорный сын и слуга».

Среди домочадцев курфюрста Пфальцкого был и еще один человек, обладавший влиянием, с которым нельзя было не считаться, – это его жена Елизавета. В принцессе крепкое здоровье и жизнерадостность сочетались с твердым характером, умом и красотой. Ее очарование заключалось в яркой внешности и оживленности, и ее почерневшие и выцветшие от времени портреты доносят до нас лишь следы ее бывшего великолепия. Блеск золотисто-каштановых волос, нежность румянца на щеках и быстрота жестов, меняющееся выражение умных, пронизательных глаз и лукавых губ, зеркало того «буйного нрава», который шокировал и очаровывал ее современников, – все это утеряно для нас навсегда. Ее письма дают представление об отдельных вспышках ее храброй и своевольной души, но и о более твердой сердцевине, о смелости и решимости, не лишенной упрямства и гордости.

¹⁰ Отец мой (*фр.*).

Брачный союз, заключенный в самых прозаических целях, быстро перерос в брак по любви. Елизавета презирала родной язык мужа и так и не выучилась на нем говорить, ссорилась с его родственниками и устроила беспорядок в его домашних делах, но с курфюрстом она жила в непрерывном медовом месяце, называя его именем героя из модного тогда любовного романа¹¹, посылая маленькие подарки и предаваясь прелестным перепалкам и примирениям. Однако это было неподходящее для идиллии время, да и курфюрст Пфальцкий для нее не годился.

Протестантская партия в Европе и сторонники германских свобод возлагали надежды на Фридриха и его элегантный двор в Гейдельберге (Хайдельберге). Те же, кто верил в политическое и религиозное предназначение династии Габсбургов, обращали взоры в сторону Граца в Штирии, где находился скучный двор эрцгерцога Фердинанда, кузена правящего императора. После смерти в 1598 году Филиппа II семейство испытывало нехватку способных людей. Его преемник в качестве главы династии – Филипп III Испанский (правил в 1598–1621) – был человеком бездарным и непримечательным. Его дочь, талантливая инфанта Изабелла, которая в то время правила в Нидерландах вместе со своим супругом эрцгерцогом Альбрехтом, по причине своего пола и бездетности была лишена возможности играть ведущую роль в династической политике. Ее кузен, старый император Матиас (Матвей), думал только об одном: как оттянуть наступление кризиса до тех пор, пока он сам благополучно не сойдет в могилу. Матвей тоже не имел детей, и семья избрала преемником его кузена Фердинанда Штирийского. Поддержку Филиппа III купили значительной уступкой: после избрания на имперский трон Фердинанд обещал передать феодалы Габсбургов в Эльзасе своим испанским кузенам. Это было все равно что пообещать испанскому королю всемерную помощь в транспортировке войск для голландской войны. Задолго до фактического подписания договора по соответствующим условиям были проведены консультации со Спинолой. И опять внутренние проблемы Германии переплелись с европейскими.

Крестник Филиппа II Фердинанд задумал довести до конца труд, начатый крестным отцом. Ему еще в детстве внушили чувство долга перед церковью, ведь он обучался в иезуитском коллеже в Ингольштадте. Впоследствии он совершил паломничество в Рим и Лорето, где, как многие ошибочно полагали, якобы дал клятву искоренить ересь в Германии. Фердинанду ни к чему было клясться. Его не мучили никакие сомнения, и миссия, для которой его воспитали, была для него такой же естественной, как способность дышать.

Сразу же по достижении совершеннолетия Фердинанд ввел в Штирии католичество, проявив при этом непоколебимую убежденность, а не осторожность. Протестанты составляли столь значительное меньшинство, что его отец так и не осмелился выступить против них; Фердинанд же рискнул – позднее рискованные действия стали визитной карточкой его политики. Как-то раз он заявил, что лучше потеряет все, но не потерпит ереси, однако ему хватило проныцательности понять, что его собственная власть во многом зависит от усиления католичества. В его семье не без оснований полагали, что всякое сопротивление светскому правительству исходит от протестантов.

¹¹ Он подписывал письма «Селадон» по имени томящегося от любви пастуха из романа «Астрей» Оноре д'Юрфэ. (Примеч. авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.